
МАТЕРИК БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Б. Килборн

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СЛАБОСТИ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА: ФРЕЙД, ФЕРЕНЦИ И ЖИЗЕЛЛА ПАЛОШ (перевод с англ. В.В. Старовойтова)

Аннотация. В статье исследуются взаимосвязи между сложными человеческими отношениями и психоаналитической техникой и теорией через рассмотрение взаимоотношений между Фрейдом и Ференци. Цель данной статьи – не превознесение (или очернение) той или иной описываемой личности. Скорее, в ней принята попытка углублённого исследования предпринимаемых Фрейдом и Ференци усилий и возникающих между ними конфликтов, и обрисовывания на основании выдержек из их переписки и трудов характерных черт их взаимоотношений. В статье описываются не две сухие фигуры, выведенные на свет из кладовой истории, а скорее два живых человека, со своими слабостями и стремлениями, чьи рациональные представления относительно того, что они делали, никогда не могли идти в ногу с их эмоциями. Поэтому из их взаимоотношений можно узнать многое: о переносе и контрпереносе, о границах и дружбе, о соперничестве и отчаянии, и о стыде. Использованный в данной статье метод исследования заключался в тщательном изучении выдержек из их переписки и трудов, а также в критическом рассмотрении ряда работ современных авторов, исследующих взаимоотношения Фрейда и Ференци.

На основании проведённого исследования автор приходит к выводу о том, что концепции активной техники и взаимного анализа Ференци могут, по меньшей мере, частично рассматриваться как обусловленные реакцией на его стыд и унижение от Фрейда. Автор надеется, что в наше время мы сможем научиться большому от взаимоотношений Фрейда с Ференци, и из тех теорий, которые они создали.

Ключевые слова: психоаналитическая техника, человеческие слабости, психоаналитическая история, стыд, идеализация, травма, взаимоотношения, Фрейд, Ференци, унижение.

Abstract. This paper explores relations between human conundrums and psychoanalytic technique and theory through the relationship between Freud and Ferenczi. Rather than vilify (or lionize) either figure, Starovoytov seeks to see into their struggles and conflicts, and to draw from correspondence and writings a portrait of a relationship. The author describes not two dusty figures drawn from the closet of history but rather two live, flawed, and struggling human beings whose rational ideas about what they were doing could never keep step with their emotions. There is therefore much to be learned from their relationship: about transference and countertransference, about boundaries and friendship, about rivalry and despair, and about shame. The main method used by the author of the article is the thorough investigation of some excerpts from their correspondence and writings, and also the critical examination of several works of modern foreign authors, who study relations of Freud and Ferenczi. As a result of his investigation the author comes to the conclusion that Ferenczi's concepts of active technique and of mutual analysis may themselves be seen at least in part a reaction to his shame and humiliation at the hands of Freud. The author hopes that today we can learn more from the Freud-Ferenczi relationship, and from the theories that grew out of it.

Key words: relationship, Ferenczi, Freud, trauma, idealization, shame, psychoanalytic history, human foibles, psychoanalytic technique, humiliation.

Перевод выполнен по:

Kilborne B. Human Foibles and Psychoanalytic Technique: Freud, Ferenczi, and Gizella Palos // The American Journal of Psychoanalysis. 2008. № 68. P. 1-23. (Примеч. пер.)

"All history is interpretation of the present"
(Benedetto Croce)

*«Вся история является
интерпретацией настоящего»*
(Бенедетто Кроче)

Ощущение пульса психоаналитической истории

В данной статье я буду исследовать взаимоотношения Фрейда и Ференци с целью прояснения движущих сил стыда и их влияния на создание теории. Часто полагают, что психоаналитическая теория представляет собой продвижение вперед, и что подобные движения всегда являются продвижениями, потому, что они новее и современнее. Поэтому описание неупорядоченных и часто запутанных и ставящих в тупик взаимоотношений между теоретиками психоанализа столетней давности служит напоминанием, что теоретический прогресс мало чего стоит, если не позволяет нам быть одновременно более уважительными и более эффективными в лечении пациентов.

К тому же трудности во всяких человеческих взаимоотношениях теми или иными путями вмешиваются в психоаналитическую работу. История общественных наук необычайно полна неисторическими и позитивистскими предположениями, жертвой которых иногда становилась история психоанализа. *(Проблема позитивизма в истории общественных наук поднимает множество важных вопросов о причинности. Достаточно сказать, что я в другом месте [18] связал возрастание позитивизма в общественных науках с религиозным возрождением в начале XIX в., и с потребностью в чувстве позитивности, с опорой на определение рациональности Уильямом Джеймсом как «чувстве целесообразности».)* Использование истории для заверения себя в том, что подобные недоразумения случались лишь в прошлом, и что мы теперь свободны от них, несёт в себе опасность презентизма и делает недоступными сложности в отношениях и личные конфликты, обуславливающие те или иные из наших избеганий. Так как по самой природе нашей работы, она включает в себя двух пылких и неизбежно несовершенных людей, наше теперешнее осознание того, сколь храбро как Фрейд, так и Ференци боролись со своими профессиональными ответственностями, своими дружбами, своими лояльностями, своими амбициями и своими тревогами, может послужить полезным напоминанием о том, что никакая теория, безотносительно к тому, сколь она современна, не может защитить нас от подобного рода борьбы. Всё, что мы можем делать, так это приводить в порядок наши аналитические ресурсы, наше понимание теории и техники, наш клинический опыт, схватывание нами собственных чувств и представлений о том, что мы сейчас делаем, и наше уважение к человеческому страданию в надежде на то, что всего этого будет

достаточно. Часто, как в случае Фрейда и Ференци, это не так.

Есть и вторая причина для повторного исследования взаимоотношений Фрейда и Ференци с целью прояснения их смысла для людей, живущих в наше время. Она связана с нашим подходом к истории психоанализа. Трюизмом является высказывание, что мы должны учиться на своих ошибках. Оно столь же применимо к научению, происходящему из понимания ошибок наших предшественников. Если мы не можем учиться на их ошибках, мы вряд ли сможем учиться на собственных ошибках. В особенности в политическом климате, в котором царит самодовольство, и ошибки часто признаются лишь у политических оппонентов и никогда у себя, взаимоотношения Фрейда и Ференци могут служить, в наше время в качестве ресурса: для постановки важных вопросов, для высказывания предположений о том, каким образом могут использоваться наши психоаналитические идеи и техники пробным образом применительно к людям, которые не находятся у нас на кушетке, и давать вдохновение для нашей работы в особенно трудных обстоятельствах и в трудные времена. Таким образом, история психоанализа не есть пустое упражнение в прикладном психоанализе, использующее личные и биографические сведения, которые могут предоставить переписка, документы и публикации; это живое целое, частью которого являемся мы сами. Поэтому имеются способы использования аналитического исследования собственных озабоченностей, желаний, страхов, представлений и искажений, которые прямо применимы к нашему пониманию прошлого. Цель данной статьи не в том, чтобы выставлять напоказ ошибки как Фрейда, так и Ференци; скорее, она направлена на лучшее понимание того, чему мы можем научиться в настоящее время на этих ошибках – и блеске ума – их обоих.

Вначале следует отметить, что самоанализ Фрейда избавил его от стыда раскрытия себя другому человеку. Другими словами, опыт анализа Фрейда не включал в себя анализ стыда, потому что не было другого человека, перед которым он мог испытывать стыд. В этом отношении опыт анализа Фрейда и Ференци фундаментально отличается. Для Ференци показ своих ошибок и изъянов занимал важное место в его взаимоотношениях с Фрейдом, и был тем более приводящим в замешательство из-за его борьбы с идеализацией; потребность Ференци идеализировать Фрейда обслуживала много функций, одной из которых была защита от собственного стыда. Возможно, полезно подчеркнуть, как идеализация и стыд могут

травить друг друга во взаимоотношениях, каждое усиливая другое и приводя иногда к внутреннему переживанию основного конфликта, расщеплению и иллюзорности. Потребность Ференци в испытывании стыда, и потребность Фрейда в идеализации, потребность Ференци идеализировать Фрейда, и потребность Фрейда стыдить Ференци – всё это играло свою роль в их взаимоотношениях, совместно с теми путями, следуя которым, они оба сталкивались (и оказывались неспособными к столкновению) со своим стыдом.

Подоплёка и хронология

Кроме того в контексте взаимоотношений Фрейда и Ференци может оказаться полезным параллельное рассмотрение теории травмы Ференци и гипотезы о соблазнении Фрейда, а также его теории детской сексуальности. Однако позвольте мне вначале представить некоторые сведения из жизни Ференци, которые послужат канвой для последующих взаимоотношений Фрейда и Ференци, а также дать хронологическое изложение взаимоотношений Ференци с Жизеллой Палош, той женщиной, которая была у него в анализе и на которой он по настоянию Фрейда в конечном счёте, женился.

Шандор Ференци родился в 1873 г. и был восьмым из двенадцати детей. Отец Ференци, чьим любимцем он был, умер, когда Ференци было 15 лет. Следовательно, у Ференци не было отца, который смог бы провести его через штормы и сексуальные конфликты и соперничества юношеского возраста. Подобная нехватка сделала Фрейда в ещё большей степени центральной фигурой в жизни Ференци. Из прочитанного мной я вынес впечатление, что мать Ференци – некая призрачная фигура. Ференци получил степень доктора в Венском университете, а затем возвратился в Будапешт в 1897, где работал в общественных госпиталях и открыл частную практику (которая включала в себя работу с судами) несколько лет спустя.

Та женщина, на которой Ференци суждено было жениться по настоянию Фрейда, Жизелла Палош (урождённая Альтшюль), была членом семьи, знакомой Ференци с детства в городе, где он родился (Мишкольц, Венгрия). Младший брат Ференци Лайош женился на дочери Жизеллы, Магде, сестре Эльмы. Кроме того, как Магда, так и первый муж Жизеллы, Геза Палош, были резко против какого-либо союза между Ференци и Жизеллой. Палош был старше Жизеллы, которая была старше Ференци, и представлял собой запрещающую отцовскую фигуру.

У Ференци был роман с Жизеллой в 1900 г., после которого их отношения продолжились, несмотря на брак Жизеллы с Гезой Палошем. Где-то в районе 1910, Ференци берёт Жизеллу на анализ. Несколько месяцев спустя после окончания короткого анализа Жизеллы, она просит Ференци взять свою дочь Эльму (свояченицу брата Ференци Лайоша) на анализ. Ференци согласился (14 июля, 1911). Всё усугубилось, когда возлюбленный Эльмы застрелился, а сама Эльма впала в глубокую депрессию. В ответ на душевные страдания Эльмы, и ощущая себя объектом страстных желаний, Ференци борется с нежными чувствами к Эльме. Ференци сообщает по секрету Фрейду (декабрь 1911): «Эльма стала для меня особенно опасна в тот момент, когда после самоубийства молодого человека стала крайне нуждаться в чьей-либо поддержке и помощи в её трудном положении. Я оказал ей существенную помощь, хотя и сдерживал испытываемую к ней нежность, понимая всю сложность текущего момента. Однако тучи рассеялись, и ... она завоевала моё сердце».

Ференци направляет Эльму к Фрейду для завершения анализа. Здесь, как и в случае взаимоотношений Ференци с Жизеллой, сыграла свою роль амбивалентность. Ференци надеется как на то, что Эльма проработает свои фантазии замужества на нём, и, таким образом, сможет вновь заверить Ференци в том, что выбрала его свободно (сделав нечто такое, что ему трудно было сделать самому), так и на то, что анализ не будет иметь успеха, и что Эльма покажет свою несостоятельность. Ференци, по-видимому, полагался на то, что Фрейд освободит его от мук амбивалентности, так что ему не придётся делать собственный выбор. Однако Фрейду было явно затруднительно оправдывать подобную надежду. Возможно даже, что сама сексуальная природа проявляемого Ференци желания по отношению к Эльме (с потенциальной возможностью появления детей) испугала Фрейда и заставила опасаться, что он может утратить интенсивность восхищения и любви к нему со стороны Ференци.

В конечном счёте, Фрейд отправляет Эльму обратно к Ференци для завершения анализа. Ференци пишет Фрейду (25 апреля, 1912), что если Эльма не «признаёт своих сопротивлений, ... тогда я твёрдо намерен отказаться от неё». Данное замечание, по всей видимости, указывает на движущие силы в проводимом Фрейдом анализе Ференци. Фрейд настойчиво говорит как прямо, так и косвенным образом, о сопротивлении Ференци, и эти движущие силы пропитывают сообщения о борьбе Ференци против женитьбы на Жизелле. Фрейд пишет

Ференци (12 марта, 1916): «Из Вашего последнего письма определённо следует, что Вы боитесь отца ... Человек должен быть способен решать, любит ли он женщину или нет даже с заложенным носом. Конечно, я знаю, сколь трудно проводить отличие между психическим и соматическим у самого себя». И в подстрочном примечании к письму Фрейда к Ференци от 20 апреля 1919, Фрейд наглядно комментирует свою оценку физических болезней у других членов его группы. «Ранк всё ещё в постели, но лишь с большим горлом. Федерн валяет дурака с плевритом».

К Эдиповой драме добавляется не только исходящая от Фрейда рекомендация Ференци жениться на Жизелле (Фрейд даёт эту рекомендацию в письме от 15 марта 1917 г., написанном на следующий день после получения запроса от Ференци: «Ваша воля будет исполнена»), но также известие о смерти Палоша (бывшего мужа Жизеллы, с которой она недавно развелась), доходит до Жизеллы и Ференци утром в день их свадьбы, в марте 1919. Ей 54, а ему 46.

Мне представляется важным прояснить, сколь тесно переплетёнными и чреватými треугольными (эдиповыми) конфликтами были три самых важных для Ференци взаимоотношений: с Жизеллой, с Фрейдом, и с дочерью Жизеллы Эльмой. Кроме того, такое переплетение могло бы стать объектом анализа, если бы Фрейд был более чувствительным к потребности анализа идеализации и стыда. Однако по-видимому этому воспрепятствовали личные обстоятельства Фрейда, которые лишили его какой-либо возможности проработки собственных движущих сил стыда со своим аналитиком; у Фрейда не было аналитика для установления границ. Для оттеснения страхов унижения, коренящихся в его детских переживаниях (например, «из этого ребёнка никогда ничего не выйдет»), и усиленных его желанием стать знаменитым, а также его соревновательными стремлениями, Фрейд нуждался в идеализации со стороны других людей, и эта потребность сделала Фрейда слепым относительно его ответственности как аналитика как перед Ференци, так и по отношению к себе. К тому же, он испытывал искреннюю привязанность к Ференци как к близкому другу.

В статье Фрейда «Психоанализ и телепатия» (1921 S.E. 18 P. 191-192) Фрейд пишет о треугольнике, в котором дочь приходит в анализ, потому что интересующий её мужчина не может сделать выбор между ней и её матерью. В данном случае Фрейд мог сослаться на нерешительность Ференци, симпатии которого были разделены между Жизеллой и Эльмой, или на свою собственную

нерешительность (он также делил свои симпатии между двумя женщинами). По крайней мере, Фрейд должен был определить свою позицию по отношению к расколу в душе Ференци, что повлекло бы за собой собственные переживания по поводу двойной симпатии. ([14, p. 7], в которой Андре Хейнел комментирует связь между этой статьей Фрейда и треугольником Ференци-Жизелла-Эльма.)

Позвольте мне теперь вернуться из 1919, даты женитьбы Ференци на Жизелле, к 1900, к тому году, когда между Ференци и Жизеллой завязался роман. Это, как вы помните, произошло спустя три года после возвращения Ференци из Вены, где он завершил своё медицинское образование. Между 1900 и 1919 гг. произошло много важных событий. Однако позвольте мне сосредоточиться на тех немногих из них, которые представляются мне особо важными для взаимоотношений Фрейда и Ференци.

2 февраля 1908 г. Ференци встречается с Фрейдом. В августе 1909 г. Фрейд, Ференци и Юнг отправляются в Америку, где Фрейду предстоит прочитать свои Кларковские лекции. По пути через Атлантический океан Фрейд, Юнг и Ференци поочередно анализировали сновидения друг друга. Будучи в Университете Кларка, Фрейд и Ференци имели обыкновение совершать длительные прогулки перед лекциями Фрейда, во время которых Ференци описывал в общих чертах содержание лекции, которую вскоре после этого предстояло прочесть Фрейду.

Где-то в районе 1910 г. Ференци берёт Жизеллу на анализ. В 1910 Фрейд и Ференци проводят вакационное время в Сицилии, где Ференци ожидает от Фрейда такой открытости, на которую Фрейд не соглашается, ссылаясь на свои разочарования с Флиссом, вместе с гомосексуальными намёками и подтекстами. В письме Ференци к Фрейду от 3 октября 1910 г. он говорит о правдивости, об идеале взаимоотношений «между двумя мужчинами, которые непреклонно говорят друг другу правду, принося в жертву любые другие соображения... Таков был идеал, которого я искал; я хотел наслаждаться не учёностью, а тесной мужской дружбой». Затем Ференци упоминает о сновидении, в котором видит Фрейда обнажённым, и истолковывает его как указание на собственное желание «абсолютной взаимной открытости». Фрейд отвечает 6 октября: «Вы не только заметили, но и поняли, что я не испытываю больше потребности в столь полной личной отдаче, и верно указали на травматический характер этой потребности... Гомосексуальная направленность исчезла, превратившись в разрастание собственного Я. Мне удалось то, что не

выходит у параноиков» [34, с. 89]. На что Ференци отвечает, ссылаясь на здоровое ядро своей идеи о правде, и связывая её со «стремлением ребёнка к правде... Я всё ещё твёрдо уверен в том, что ненормальна не правдивость, а чрезмерная секретность...» [2, р. 136].

14 июля 1911 г. Ференци сообщает Фрейду, что взял дочь Жизеллы, Эльму, на анализ. Той осенью Ференци влюбляется в Эльму и пишет Фрейду о своих затруднениях. По настоянию Ференци, 1 января 1912 г. Фрейд берёт Эльму на анализ, который заканчивается на пасху в том же году (1912). Позднее в 1912 г. Ференци возобновляет анализ Эльмы. *(В 1913 г. Фрейд пишет статью «Мотив выбора ларца», предметом рассмотрения которой являются треугольные отношения. То, как эта статья связана с взаимоотношениями Фрейда и Ференци, лежит вне пределов рассмотрения в данной работе. Здесь достаточно отметить, что она связана с отношениями к матери, с той темой, по которой Фрейду и Ференци суждено было всё более расходиться во взглядах. Жизелла представляет для Ференци материнскую фигуру, в связи с чем триангуляция с Фрейдом делает Фрейда имплицитно отцовской фигурой.)*

Затем в 1914 г. Ференци начинает свой анализ с Фрейдом. Этот кусок анализа продолжается лишь от 15 до 20 дней, так как Ференци призывают на войну. В 1914 г. Фрейд пишет «Заметки о любви в переносе» (написанные в 1914 и опубликованные в 1915). В этой работе Фрейд обсуждает тему установления границ и их уместности для аналитической работы, выдвигает концепцию «любви в переносе» как открывающую ворота в штормы эмоций. Однако, как ясно видно из полемики между Нуссбаумом и Фридманом [22] в недавней публикации в JAPA, данное обсуждение также затрагивает вопрос о том, насколько «любовь в переносе» может походить на настоящую любовь, насколько «подлинной» она является.

Несколькими годами ранее в письме к Юнгу Фрейд признал, что от позитивного ответа на крайне ярко выраженные любовные привязанности не так-то легко отказаться. Фрейд пишет Юнгу 7 июня 1909 г. относительно любовной связи Юнга с Сабиной Шпильерин: «Такие переживания, хотя и болезненные, необходимы и их трудно избежать. Без них мы не можем по-настоящему узнать жизнь и то, с чем мы имеем дело. Сам я никогда не был столь сильно им [страстным контрпереносом – В.С.] захвачен, но много раз подходил к этому чрезвычайно близко и еле-еле спасался (обратите внимание на курсив). Я полагаю, что лишь суровая необходимость моей работы и то, что я

пришёл в психоанализ в возрасте старше Вас на десять лет, спасли меня от аналогичных переживаний. Но это не беда. Человек приобретает необходимую толстую кожу, приходит к овладению «контрпереносом», который действительно всякий раз у него возникает, научается сдвигать собственные эмоции и соотносить их с практической целесообразностью. Блаженство в сокрытии» [15, р. 362; 36, с. 74]. Важно отметить, что это первое письменное упоминание термина «контрперенос». Данный термин впервые появился в опубликованной год спустя работе Фрейда «Будущие перспективы психоаналитической терапии» (1910). Фрейд был примерно на 10 лет старше Юнга, а Жизелла была примерно на 10 лет старше Ференци. *(Фрейд признался в письме к Оскару Пфистеру от 5 июня 1910 г., что «перенос действительно является испытанием» [16, р. 28]. А в письме к Юнгу от 6 декабря 1906 г. Фрейд пишет: «излечение достигается любовью» [16, р. 29].)*

Второй кусок анализа Ференци начался по его настойчивой просьбе. В 1916 г. Фрейд неохотно соглашается возобновить анализ, сперва с 14 июня по 5 июля, а затем с 26 сентября по 9 октября того же года. Общее время анализа Ференци, таким образом, в целом составляет около двух месяцев, с перерывом в анализе из-за войны.

Кроме того, война породила довольно различные реакции на неё со стороны Фрейда и Ференци. В то время как Ференци проходил реальную военную службу и становился всё более вовлечён в изучение военных травм и травмы в целом, Фрейд сохранял дистанцию и написал поразительно большое количество теоретических и технических работ. Его теории по-видимому относительно не были затронуты войной. Вскоре после того, как Ференци отправился на фронт, он пишет Фрейду об аналитическом лечении своего армейского командира, страдающего от травматических реакций на взрыв гранаты, описывая подобное лечение как «первый зафиксированный случай анализа на крупе лошади» (22 февраля 1915, Ференци Фрейду). Хотя война не повлияла на их отношения, за исключением прекращения анализа Ференци, она всё же выявила отличие между вовлечённостью Ференци и отчуждением Фрейда.

В годы, непосредственно последовавшие за окончанием войны, было много психоаналитических проектов (клинических и издательских), финансируемых сперва из фонда Венгерской советской республики, а затем, частным образом, из фонда Антона фон Фройнда, богатого будапештского пивовара. Однако когда фон Фройнд умер, Ференци не смог получить доступ к этим фондам

из-за политических и экономических потрясений и контрреволюции. (Незадолго до заключения Трианонского мирного договора (1920) многие аналитики покинули Будапешт. Алиса и Михаэль Балинты уехали в Берлин, а затем возвратились в Будапешт в 1924, где их анализировал Ференци, и остались с ним. Во время длящейся годами болезни Ференци, они заботились о нем, а затем, после его смерти в 1933, продолжили психоаналитическое движение в Венгрии, эмигрировав лишь в 1939 из-за нацистской угрозы. Франц Александер уехал в Чикаго. Мелани Кляйн, прошедшая анализ у Ференци, также уехала в Берлин, где прошла второй анализ у Карла Абрахама, прежде чем уехала в Лондон в 1926. Находясь в Будапеште, Кляйн работала с Антоном фон Фройндом в «Ассоциации исследования детей младшего возраста» [21, р. 54]. Вслед за ними уехали Шандор Радо и Геза Рохейм (анализированный Вильмой Ковач), которые основали в Нью-Йорке Психоаналитический институт в 1931. Рохейм, Радо и Лоранд окончательно осели в Нью-Йорке, живя по соседству друг с другом в Вест-сайде [32, р. 60-76].)

Затем весной 1918 г. Ференци был избран президентом Международной психоаналитической ассоциации. (Несомненный след политики можно усмотреть в том, что, несмотря на то, что именно Ференци выдвинул идею создания Международной психоаналитической ассоциации (МПА) и действительно был избран её президентом, фотография Ференци отсутствовала среди фотографий прежних президентов Международной психоаналитической ассоциации. Лишь несколько лет тому назад д-р Горацио Этчегойен, тогдашний президент МПА, счёл нужным осведомиться об этом пробеле. Он связался с доктором Лео Рэнгеллом, который спросил меня насчёт президентства Ференци. Здесь следует отметить, сколь полно память о событиях 1919 г. стерлась в умах нашего аналитического сообщества. Данные события были постыдными, Ференци вышел в отставку вместе с крахом прежней венгерской политики. Всё в большей степени ось Берлин/Джонс и Будапешт/Ранк раскалывала психоаналитический мир с Ференци, становясь центральной фигурой в Будапештской школе. Эта запутанная история разворачивалась в течение последующих 15 лет.) В сентябре того же года (1918) Ференци и Антон фон Фройнд организовали первый послевоенный конгресс в Будапеште после Мюнхенского конгресса 1913 г. Ференци уделяет особое внимание военным неврозам и травме. Несомненно, первая мировая война омрачает весь этот период, как и Трианонский мирный договор, в результате которого Венгрия утратила большую часть своей территории. (Из переписки становится

видно, что фонды психоаналитического движения переводятся в Будапешт, где на Ференци и Ранке лежала ответственность их распределения для различных целей. Однако финансовая логистика и управление ресурсами психоаналитического сообщества, насколько мне известно, никогда не описывались подробным образом.)

1919 год оказывается судьбоносным для Ференци и наполненным как многообещающими, так и катастрофическими событиями. В марте 1919 г., по настоянию Фрейда, Ференци женится на Жизелле Палаш. 25 апреля 1919 г. впервые в мире он назначается на должность полного профессора психоанализа в Будапештском университете в Венгрии.

Большевистская революция 1919 породила Венгерскую советскую республику, руководимую Бела Куном. Хотя данная коммуна просуществовала лишь 133 дня, она породила много социальных реформ и поддерживала психоанализ в Будапеште (например, назначение Ференци на должность профессора). «Анализ повсюду ищется», – писал Ференци Фрейду 12 апреля 1919 г. Однако за коммуной последовала контрреволюция, возглавляемая Хорти, которая принесла с собой господство террора, руководимого провинциальным страхом космополитизма; Хорти выбрал столицей провинциальный город Сегед, нанося умышленное оскорбление космополитическому (и еврейскому) Будапешту. В результате контрреволюции Хорти, Ференци лишился профессорского звания в августе 1919 г.

Несколько месяцев спустя Секретный комитет Фрейда убеждает Ференци отказаться от должности президента МПА и позволяет Джонсу занять этот пост, таким образом, перенося штаб-квартиру МПА из политически нестабильного Будапешта в Лондон.

В течение нескольких коротких месяцев 1919 г. Ференци уступил давлению Фрейда и женился на Жизелле, лишился лидирующей позиции (поста президента) в психоаналитическом движении, а также лишился должности профессора в университете, оставшись лишь с немногими пациентами, и столкнулся с крайне тяжёлыми финансовыми обстоятельствами. «На прошлой неделе, – пишет он Фрейду (29 июня 1919 г.), – я заплатил 2800 крон за 18 килограммов свиного жира (в 10 килограммах которого были, однако, кости и мясо), что почти что равняется той зарплате, которую я получаю за 2 месяца в должности университетского профессора... Лишь чёрный кофе похож на прежний».

Позвольте мне вернуться назад для того, чтобы представить более широкий контекст для по-

нимания взаимоотношений между Ференци и Фрейдом в эти годы. В 1914 г., Австро-Венгерская империя вступила в первую мировую войну на стороне Германии. К концу войны Венгрия была наказана утратой 2/3 своей территории. Унижение вследствие Трианонского мирного договора продолжалось долгое время спустя после его заключения, порождая глубокое чувство негодования и утраты.

Фрейд и Ференци: соперничество и стыд

Переписка Фрейда и Ференци проливает новый свет на взаимоотношения между ними; они оба понимали, как должны выглядеть в своих письмах; они оба использовали письма для показа себя в выгодном свете и подтверждения собственной значимости [19; 20]. Происходящие между ними конфликты выражались различным образом, например, в спорах по поводу того, какое место должны занимать отказ и удовлетворение, а также о том, как, по их мнению, они связаны с регрессией и с концепцией «проработки». *(До какой степени Фрейд хотел использовать отказ? До какой степени Ференци хотел использовать удовлетворение? И сколь много места оставалось в выдвигаемых каждым из них представлениях для расхождений между тем, что, по их мнению, они делали, с тем, что они на самом деле делали? Какое воздействие оказывали их взаимоотношения на развиваемые ими представления, и как влияли их представления на их взаимоотношения и клиническую работу?)* Фрейд [7; 9; 10] подчёркивает, что отказ даёт возможность проявления бессознательных желаний; Ференци подчёркивает важное значение атмосферы доверия и свободы для лечения травматических разочарований (так что они могут быть проработаны в аналитической ситуации, нежели чем бессознательно повторяться во внешнем мире).

В статье 1929 г. «Принцип релаксации и неокатарсис» Ференци открыто заявляет: «...психоанализ фактически применяет эти два противоположных средства: создаёт отказом повышение напряжения и релаксацию предоставлением свободы» [5, р. 115]. Следует отметить, что противоположностью фрустрации для Ференци является не удовлетворение *само по себе*, а скорее «свобода». Мы увидим, какие обертоны имел этот акцент в тех частях переписки Фрейда и Ференци, к которым я вскоре обращусь.

Но вначале может быть полезно сделать некоторую паузу для более полного обсуждения той имплицитной роли, которую Ференци приписывал стыду. Он считал, что отказ может породить

унижение, тогда как Фрейд относительно индифферентно относился к этому понятию, так как самоанализ избавил его от стыда раскрытия себя другому человеку. Отсутствие подобного анализа не могло не вести к трудностям в установлении границ для переноса и контрпереноса. Ференци считал, что правдивость и доверие в аналитическом взаимоотношении (с обеих сторон) способствуют свободе и достоинству, которые представляют собой достойные цели, продвижению которых следует содействовать у всех пациентов.

В конце жизни Ференци, Фрейд, Джонс и другие, сделали более жёсткой свою позицию нетерпимости по отношению к Ференци лично (обвиняя его в расстройстве психики, вместе с Ранком) и профессионально, ставя под сомнение законность места Ференци в психоаналитическом движении. Они обвинили Ференци в «материнской заботе» о своих пациентах, а не в их анализе. *(Пол Розен, исследователь жизни и творчества З. Фрейда, пишет, что « по свидетельствам каждого, кто близко знал Ференци в последние годы его жизни, «некое очень глубокое расстройство» было целиком выдуманно Джонсом. ...Возможно, Джонсу хватило смелости сказать всё, что он хотел, о предсмертной болезни Ференци и о его «психическом расстройстве» как раз потому, что Балинт, литературный душеприказчик Ференци, знал, что Джонсу была известна неопубликованная информация о жизни Ференци. ... Балинт оспорил рассказ Джонса о психозе Ференци в письме в International Journal of Psychoanalysis. Джонс ответил собственным письмом, но до этого убедил Балинта убрать из его письма любое упоминание о том факте, что Ференци ранее проанализировал их обоих [37, с. 389-402]. – Прим. перев.)* В свете современных психоаналитических знаний, такое обвинение представляется несправедливым в отношении клинических положений Ференци, излишне оскорбительным для Ференци, и односторонним, так как ставит Фрейда (отцовскую фигуру) в привилегированное положение по сравнению с Ференци (с его «материнской» заботой о пациентах), и чрезмерно упрощает весь вопрос об удовлетворении в противовес отказу.

За предполагаемой технической антиномией (удовлетворение или отказ), по-видимому, скрывалось соперничество Джонса по отношению к Ференци, и потребность Фрейда преподнести себя отцовской (а не материнской) фигурой для всех людей, вовлечённых в психоаналитическое движение. Как, я надеюсь, позднее станет ясным, спор по поводу отказа и удовлетворения во многих отношениях является ложной дихотомией, используемой на службе психоаналитических по-

литиков и личной вендетты, и волнительным для каждого, кто пытается понять историю психоаналитического движения. К тому же предполагаемая антиномия между удовлетворением и отказом, как она использовалась Джонсом и клеветниками Ференци, искажает существенно важные движущие силы клинических столкновений, неправомерно подчёркивая предполагаемую власть отца и имплицитно принижая материнские функции. Кроме того, безотносительно к тому, кто использует данную антиномию – будь это психологи самости, интросубъективисты, эго-психологи, или интерперсоналисты – она содействует смещению границ, уменьшая уважение к пациенту и к сложностям аналитической манеры поведения. Очевидно, отказ не обязательно гарантирует безопасные и подходящие границы в сколь-либо большей степени, чем удовлетворение необходимо исцеляет нехватки или гарантирует эмпатию.

Имея в виду личную подоплеку теорий Ференци о травме и лечении, которая могла повлиять на принятие им этих важных и трудных технических решений, и также имея в виду склонность Ференци идеализировать Фрейда, и склонность Фрейда унижать Ференци, рассмотрим теперь выдержки из их переписки между 1914 и 1919 гг., за период, охватывающий первую мировую войну и избрание Ференци президентом МПА.

27 октября 1914, Ференци Фрейду:

«Я не хочу утомлять Вас своими надоедливими приступами дурного настроения. Это также причина многих и долгих пауз в нашей переписке, которые по большей части являются моей виной». И заключает, говоря, что теперь «отправляет письмо, которое заставляет меня столь сильно стыдиться, на почту».

Фрейд Ференци, 9 ноября 1914:

«Я заключаю из Ваших действий, что Вы всё ещё не взяли себя в руки, и очень этим недоволен».

Ференци Фрейду, 18 декабря 1914:

«...Эльма возвращается в Будапешт молодой женщиной, и её возвращение может пробудить во мне все сомнения относительно моего отношения к ней, которые не были решены в Вене. Но зачем вновь поднимать все эти проблемы? Может быть, Вы снова возьмёте меня на лечение; а до этого приходится, действуя наобум, пытаться вести дела наилучшим образом».

Фрейд Ференци (говоря о стыде при описании меланхолии и с обертонами соперничающего пристыживания и девальвации), 7 февраля 1915. Примите во внимание ссылки на идеализацию и стыд, которые оба характеризуют отношение Ференци к Фрейду.

«Меланхолия показывает громадное оскудение Я и болезненно увеличивает связанные с Я тяжёлые опасения. Присущая ей самокритика преувеличенно сознательна и рисует нам картину, которую мы должны признать правильной. Я девальвируется, воспринимает себя крайне далёким от идеала, не может ничего довести до конца, должно мириться с тяжелейшими упреками, не заслуживающим того, чтобы за ним ухаживали, хорошо о нём заботились. Таким, на самом деле, должно быть то состояние, в котором меланхолия наличествует. Что следует отметить, так это остроту и неповреждённость самонаблюдения (сознания, цензуры Я, фактически существующего Я). Однако каким же образом Я при меланхолии приходит в такое состояние? Что оно сделало, чтобы заслуживать такого осуждения? Я находится в трауре, потому что утратило свой объект вследствие его обесценивания. Однако Я интроецирует этот объект и затем находит себя обесцененным. Тень от объекта падает на Я и затемняет его. Процесс траура осуществляется не на объектных инвестициях, а, скорее, на инвестициях Я».

Ференци (25 февраля, 1915) затем не соглашается с Фрейдом таким образом, который указывает на трудности в их взаимоотношениях, и наводит на мысль о высказываемой Ференци критике, что Фрейд не анализировал его негативный перенос. Также представляется, что Ференци имплицитно предполагает, что Фрейд является параноидальной личностью из-за нежелания испытывать доверие.

«Мне не кажется, что я неправильно Вас понял. Насколько я понимаю, Вы имели в виду, что, по Вашему мнению, совершающий самоубийство меланхолик, в действительности, совершает двойное самоубийство. Он убивает себя (своё критикующее Я), а также своё любимое (Я), которое оказалось его недостойно после того, как его (нарциссическому Я) удалось на какое-то время обмануть своё (критическое Я)! Поводом для заболевания послужило разочарование в других людях, которые служили моделями для его нарциссического Я, и обесценивание которых обнаруживает его собственную никчемность. Меланхолия, таким образом, является случаем несчастливой (презренной) любви к самому себе, тогда как жертва слабоумия вступает в счастливый брак со своим нарциссическим Я, а параноик (который не полностью удовлетворён собой) понимает, как защитить видимость счастья (от себя)».

31 июля 1915 г. Фрейд пишет Ференци, обращаясь к нему как к любимому сыну.

«Вы теперь действительно единственный, кто всё ещё работает, помимо меня. Деятельность всех других парализована войной».

А затем Фрейд конфиденциально сообщает Ференци свои оговорки относительно Джонса в письме от 26 декабря 1915 г.

«Мне известна склонность Джонса прибегать к плагиату; он однажды присвоил моё эссе о внушении подобным образом. Его оригинальность [как мне известно из анализа] заторможена; по этой причине ему приходится удовлетворять своё тщеславие подобным образом. Несмотря на это, он хороший малый – следует лишь исправить его в данном отношении».

И в вызывающем изумление письме Ференци, адресованном Фрейду, о Жизелле (2 февраля, 1916), Ференци пишет:

«Я хочу сообщить Вам детали того вечера, когда Я читал Ваше письмо вслух фрау Ж. ... Мне хотелось узнать, хочу ли я жениться на фрау Ж. даже без [Вашего] совета, абсолютно спонтанно. ... Я ощущаю себя непокорным сыном, который может сообщить лишь о своих проделках. Но я также нерадив в абсолютной честности по отношению к Вам – так как это первое условие для улучшения. Я напому Вам о своём невротическом поведении в Hotel de France в Палермо. Там, также, страх уступить Вашему предположению в общей научной работе и не отстаивать собственное мнение был ответственным за мой отказ».

И, наконец, в письме от 23 мая 1919 г., в этот судьбоносный год, Ференци пишет Фрейду после просмотра своей корреспонденции:

«По этому случаю, у меня, подобно проблеску света, возникло понимание, что, начиная с того времени, как Вы высказали мне совет, направленный против Эльмы, я испытывал по отношению к Вам сопротивление, которое нельзя было преодолеть даже посредством попытки психоаналитического лечения, и которое было ответственно за всю мою чувствительность. С бессознательным негодованием в своём сердце, Я как преданный “сын”, тем не менее, последовал Вашим рекомендациям, оставил Эльму, вновь возвратился к своей теперешней жене, с которой я остался, несмотря на бесчисленные искушения от других сторон. ... Мне представляется, что я могу быть счастлив в жизни, и удовлетворён в работе, лишь когда могу быть и оставаться в хороших, на самом деле, в наилучших взаимоотношениях, с Вами. Осознание того, что во фрау Ж. я имею самое лучшее, что могло выпасть на мою долю – с моим складом ума и характера – является первым плодом моего внутреннего примирения с Вами. Прошу Вас, так же не теряйте терпения в отношении меня в будущем. Надеюсь, что впредь буду давать Вам меньше поводов для проявления Вашего терпения, чем в прошлом».

Ференци считал себя «слепо зависимым сыном», в то время как Фрейд «играл роль кастрирующего бога», вследствие чего Фрейд оказался не в состоянии понять, что он был «единственным, кому не пришлось быть анализируемым» [6, pp. 185-188].

В этой переписке можно усмотреть предметы обсуждения, непосредственно затрагивающие аналитическую технику. Ференци говорит, что хочет быть «преданным сыном», жалуясь на то, что чувствует себя «непокорным сыном», желает знать, есть ли в нём какая-либо «хорошесть» в глазах Фрейда, которую он сам не чувствует, как если бы послушание и согласие скрывали за собой чувство замешательства. Мог ли Ференци подчиняться тому, что воспринимал как волю Фрейда, без испытывания чувства, что подобное подчинение является уступкой предложению Фрейда? Многочисленным образом Ференци пытается выразить мысль о том, что согласие на брак с Жизеллой представляется ему подчинением, и борется с тем, чтобы захотеть рассматривать подобное согласие как выражение собственного мнения и воли. Ференци не может открыто выступить против Фрейда; он воспринимает себя непокорным, невротичным, смущённым, не полностью честным человеком, умоляет Фрейда ему помочь, так как хочет быть способным «исправиться». Однако, поступая подобным образом, Ференци должен полагаться на Фрейда, а подобное полагание ведёт к мукам относительно собственных сопротивлений.

Позднее, в том же самом году (24 октября, 1916) Фрейд пишет Ференци:

«Когда я сказал, что анализ закончен, я не имел в виду, что он завершён. То, как Вами правит нарциссизм, определённо видно из того, что Вы фантазийно воспринимаете женитьбу на Жизелле как уже состоявшуюся. Однако анализ закончен, потому что не может быть продолжен в течение, по меньшей мере, шести месяцев, и, таким образом, будет стоять на службе высвобождения невротического намерения. Я не получил деньги. Вы послали их в банк, к которому я не имею никакого отношения. Некорректно, что банк не предупредил Вас об этом, или, что он не выслал мне деньги. Во всём этом виден ещё один пример подобных квазидействий».

Давайте сделаем паузу, чтобы прокомментировать данное письмо. Помимо по-видимому простого упоминания о том, что анализ Ференци не был завершён (а был ли завершён также анализ Фрейда?), Фрейд критикует и подвергает Ференци унижению. Что мы можем вывести из следующих строк данного письма: «...он [анализ] закончен, потому что не может быть продолжен в течение, по

меньшей мере, шести месяцев, и, таким образом, будет стоять на службе высвобождения невротического намерения».

Что мог Фрейд иметь в виду, высказывая предположение, что, так как его анализ Ференци не мог быть продолжен, Ференци станет использовать этот кусок «реальности» на службе сопротивления? Кто здесь ответственен за данный перерыв? Возможно, Фрейд высказывает предположение, что если Ференци использует нежелание Фрейда вновь начать анализ на службе сопротивления, то это послужит причиной для рассмотрения анализа как завершенного? А если это так, то это ещё одна неортодоксальная точка зрения на завершение, и она наводит на мысль, что Ференци недостоин завершения анализа.

Затем следует упоминание о неполноценном платеже. Задаёшься вопросом, в какой банк послал Ференци данный платёж, и почему Фрейд полагал, что не имеет к этому банку никакого отношения. Возможно, Ференци не следовал инструкциям Фрейда? Явно имеются более любезные и тактичные способы для аналитика выразить потребность в деньгах своему анализанду, другу, коллеге.

Расширяющееся расхождение во взглядах

Из переписки Фрейда и Ференци становится ясно, что трещина в их отношениях стала более резко выраженной в течение 1920-х, а затем стала ещё глубже в годы, предшествовавшие смерти Ференци. 18 сентября 1931 г. Фрейд пишет Ференци:

«Нет никакого сомнения, что ... Вы ещё более отдалились от меня. Я не говорю, что Вы отвернулись от меня, и надеюсь, что это не так».

А годом позже тон письма становится ещё более осуждающим. Фрейд Ференци, 2 октября, 1932:

«Я больше не верю, что Вы исправитесь. ... Уже два года Вы неуклонно отдаляетесь от меня, вероятно, развивая личную враждебность».

Фрейд Ференци (2 октября, 1932):

«Уже два года Вы неуклонно отдаляетесь от меня. ... Думаю, что я объективно способен показать ту теоретическую ошибку, которую Вы сделали в Вашем построении. Но стоит ли? Я убеждён, что Вам больше недоступны сомнения».

Соответственно, со стороны Ференци есть свидетельство разочарования и боли от такого разлада в их отношениях. Ференци пишет о Фрейде: «Последнее разочарование: Он никого не любит, только себя и свою работу» [6, р. 159f.].

В последней части их переписки, как Фрейд, так и Ференци демонстрируют заботу друг о друге. 2 апреля 1933 г. Фрейд пишет:

«Расхождения между нами ... могут подождать ... для меня гораздо важнее, чтобы Вы выздоровели».

Ференци умер несколько недель спустя, послал Фрейду письмо, выражающее заботу о нём. Ференци Фрейду, 29 марта, 1933:

«Я советую Вам воспользоваться тем временем, которое остаётся, так как пока ситуация не является непосредственно угрожающей, уехать в более стабильную страну, например, в Англию. Возьмите с собой нескольких пациентов и свою дочь Анну».

В некрологе на смерть Ференци Фрейд пишет:

«После достигнутого пика свершений, случилось так, что наш друг постепенно отдалялся от нас. После своего возвращения из Америки, где он проработал некоторое время, он, по-видимому, всё более и более уходил в обособленную работу, хотя до этого принимал самое живое участие во всём том, что случалось в наших психоаналитических кругах. Мы узнали, что одна проблема монополизировала его интерес. Потребность лечить и помогать приобрела для него первостепенное значение. Он, вероятно, поставил перед собой такие цели, которые, с нашими терапевтическими средствами, в настоящее время полностью недостижимы. Из неистощимых проявлений эмоций в нём зародилось убеждение в том, что можно достичь намного большего эффекта в работе с пациентами, если давать им достаточно любви, которой они страстно желали в детстве. Он хотел открыть, как можно это осуществить внутри рамок психоаналитической ситуации; и поскольку не преуспел в этом, остался в стороне, возможно, не будучи более уверен в согласии со своими друзьями [11, р. 229]».

И, наконец, в «Анализе конечном и бесконечном», Фрейд пишет о Ференци. *(Полезно принять во внимание, что в начале этой работы Фрейд (1937) явным образом очерняет теорию травмы Ранка, (а вместе с этим и теорию Ференци), отмечая, что Ранк «предположил, что акт рождения и является подлинным источником невроза из-за возможности продолжения «прафиксации» на мать, которая не была преодолена и продолжает существовать как «правытеснение». Ранк надеялся снять весь невроз целиком, тем самым частичка анализа делала ненужной всю прочую аналитическую работу» [12, р. 216; 35, с. 6].):*

«Некий мужчина, сам с большим успехом практиковавший анализ, считает, что его отношение как к мужчинам, так и к женщинам, по всей видимости, не свободно от невротических осложнений – к мужчинам, которые являются его конкурентами, и к женщине, которую он любит, – и на этом основании он делает себя аналитическим объектом

другого врача, который представляется ему аналитиком посильнее. Такое критическое прояснение собственной личности приносит ему полный успех. Он женится на любимой женщине, а мнимый соперник превращается в друга и учителя. Так проходит много лет, в течение которых ничем не омрачается его отношение к своему аналитику. Но затем без всякого внешнего повода наступает нарушение. Анализируемый становится в оппозицию по отношению к аналитику, он упрекает последнего в том, что тот упустил возможность осуществить полный анализ. По крайней мере, следовало бы знать и принять во внимание, что отношение переноса никогда не бывает только положительным, необходимо было позаботиться и о возможности негативного переноса. Аналитик же в свою очередь парирует, что во время анализа негативный перенос ничем не давал знать о себе. Но даже, если предположить оставшийся незамеченным слабейший признак такового, что не исключено при узости горизонта раннего анализа, то подлежит сомнению, в нашей ли власти активизировать ещё не актуальную для пациента тему, или, как говорят, «комплекс», простым указанием на неё. Это было бы в прямом смысле недружелюбным действием, направленным на пациента. И, кроме того, не всякие добрые отношения между аналитиком и анализируемым во время и после анализа следует расценивать как перенос. Ведь существуют же дружеские отношения, имеющие реальные основания и зарекомендовавшие себя жизнеспособными» [12, pp. 221-222; 35, с. 10-11].

Этот отрывок, который столь часто цитировался, обретает дополнительный смысл в свете соревновательных и наполненных стыдом конфликтов между Фрейдом и Ференци. Фрейд хочет внести ясность: он дал Ференци завершённый анализ; не было никаких оснований для обвинений со стороны Ференци, что его анализ не был завершён. Данные утверждения Фрейда вызывают удивление, в особенности потому, что этот анализ длился менее восьми недель. Как Фрейд мог не знать, что он не был завершённым, в особенности, после писем Ференци и его колебаний относительно женитьбы на Жизелле? И кого и что имел Фрейд в виду, когда высказывал суждение о том, что для Ференци «мнимый соперник превращается в друга и учителя?»

Как видно из переписки Фрейда с Ференци и из «Клинического дневника» (1988/1932) Ференци, имеется много причин для разлада в отношениях между ними. Трудно узнать, в какой степени Фрейд и Ференци использовали теорию для рационального оправдания личных третирований и

нарциссических обид, и в какой степени теоретические расхождения и те способы, которыми они сообщались, сыграли свою роль в расширяющейся трещине в их отношениях.

Одно из наиболее очевидных теоретических проявлений этого разлада связано с представлениями Ференци о травме, и о её связи с ранними взаимодействиями мать-младенец, с представлениями, которые непосредственно затрагивают разделяемые ими позиции относительно запрета и удовлетворения. Технические правила Фрейда, в особенности, правило запрета, служили многим функциям, включая как «организацию» своих последователей, так и то представление, которое публике должна была иметь о психоанализе. Фрейд хотел, чтобы его дисциплина сохранилась, и чтобы на неё смотрели как на жизнеспособную науку, и был озабочен сексуальным поведением своих последователей. В работе Ференци «Смещение языков» ясно показываются несообразности Фрейда относительно запрета, что может быть одной из причин, почему Фрейд столь негативно реагировал на неё. Говоря аналитикам о том, чтобы придерживаться правил анализа, Фрейд был последователен в соблюдении правил запрета, или, в действительности, всех своих правил. Он угощал «человека-“крысу”» сардинами, указывал Ференци, на ком жениться, как утверждают, имел любовную связь со своей свояченицей, и вмешивался в случае других последователей и анализандов. С одной стороны, был официальный Фрейд; а с другой, Фрейд как человек.

Как я ранее отмечал, приверженность Ференци лечению травмы обрела для него дополнительную значимость вследствие реакции на военный опыт, а также из-за его решимости основать клинику в Будапеште. Кроме того, имеется ещё одно влияние, центральная значимость которого не должна недооцениваться: связь Ференци с Ранком и, как следствие, акцент Ференци на травме рождения как прототипе всех последующих травм, акцент, который также замечен в «Талассе» Ференци (1924). Такой акцент знаменовал собой явный отход от теорий сексуальности и агрессии Фрейда, а также давал Ференци возможность сфокусировать своё внимание на взаимоотношении между регрессией и травмой. Для Ференци и Ранка теории Фрейда о первичной агрессии и первичном нарциссизме, вместе с его акцентом на отказе, когда они рассматриваются в свете травмы рождения и сепарационной тревоги, имеют малый клинический смысл. *(О возобновлении интереса Фрейда к сепарационной тревоге, Андре Хейнел пишет, что в «Торможении, симптоме и страхе» (1926) такой возобновлённый*

интерес «может быть лучше всего понят в контексте его диалога с Ранком. ... Диалог с Фрейдом послужил для Ференци и Ранка стимулом к исследованию тем регрессии и ранних взаимоотношений с матерью, а также к исследованию взаимодействия, которое происходит в психоаналитической ситуации, и, в результате, к желанию понять, как психоаналитическая теория может быть развита на основе такой коммуникации» [16, р. 36]. Хейнел добавляет, что после смерти Ференци и без какого-либо упоминания о нём, Фрейд вернулся к теме ранней травмы, нарциссической обиды и расщепления в «Моисее и монотеизме» [17, р. 464].)

Одним из пунктов на пути одностороннего движения в сторону расхождения во взглядах была книга Ференци и Ранка «Развитие психоанализа», опубликованная в 1924 г. Как результат, возникли две группы: Будапештская группа (Ференци и Ранк), с одной стороны, и Берлинская группа (Абрахам, Эйтингон и Джонс), с другой. Абрахам критикует позицию Ференци и Ранка как, по-видимому, «ведущую к отходу от психоанализа» [16, р. 33]. Нападки на Будапештскую группу со стороны Берлинской группы имели трагические последствия для истории психоанализа и, в сущности, были фактически преданы забвению всё наиболее существенные вклады Будапештской группы, и о них вспомнили лишь после окончания второй мировой войны.

Таким образом, Ференци упал в глазах Фрейда со статуса высоко ценимого друга, которого Фрейд серьёзно рассматривал в качестве потенциального мужа своей дочери Матильды, до статуса человека, который «без какой-либо видимой причины» стал антагонистически настроен и чей психоаналитический вклад был открыт серьёзному сомнению. Андре Хейнел пишет: «Не является ли это печальной историей нерешённого переноса, не проанализированной любви в переносе на фоне смеси дружбы, любви и научного сотрудничества» [17, р. 463]? И, продолжает Хейнел: «Иногда возникает такое представление, как если бы Ференци не написал того, что он написал, а в некоторых местах он просто не существовал. Как результат, всё приходилось открывать заново: важное значение травмы и ранних нехваток (как в трудах Мелани Кляйн, Дональда Винникотта, Гарри Стека Салливана и др.); расщепление и пограничные структуры (как в теории Отто Кернберга); а также тот факт, что каждая интерпретация, это нечто большее, чем просто интерпретация, как это недавно выразил Дениэл Стерн и др. [17, р. 463].

Действительно печально, что ясная картина относительно двух этих противостоящих групп

внутри психоанализа, Берлинской группы и Будапештской группы, не возникла ясным образом в умах аналитической публики как часть нашей истории. И в равной степени жаль, что эта оппозиция очернила сагу о взаимоотношениях Фрейда и Ференци. Именно Берлинская группа (например, Джонс и Абрахам) распространила миф о том, что как Ференци, так и Ранк были душевно больны и неустойчивы. Как результат, «регрессия и, самое главное, контрперенос временно исчезли из дебатов в 1930-х» [16, р. 37].

Смещение языков и сердец

Концепции Ференци активной техники и взаимного анализа могут, по меньшей мере, частично рассматриваться как обусловленные реакцией на его стыд и унижение от Фрейда: в связи с его потребностями в похвале и отклике от Фрейда, и в связи с его (Ференци) неспособностью сообщить Фрейду о той боли, которую он ощущал, таким образом, чтобы Фрейд смог её понять, и передать это понимание Ференци. Ференци страстно желал иметь аналитика, который не будет потворствовать «смещению языков». Данное название взято из статьи Ференци, которая в настоящее время, наверное, лучше всего известна из его работ, и которая поднимает многие из конфликтов между Фрейдом и Ференци.

Важно, что 21 июля 1932 г., ровно за месяц до того дня, когда Ференци официально отказался от поста президента МПА (21 августа, 1932), таким образом, окончательно помечая своё расхождение во взглядах с Фрейдом, Ференци написал заголовок: «О чувстве стыда» в своём клиническом дневнике. Три дня спустя (27 августа, 1932), Фрейд написал Эйтингону, что «отказ Ференци был невротическим актом враждебности по отношению к отцу и братьям, для того, чтобы сохранять регрессивное удовольствие от разыгрывания материнской роли со своими пациентами». Отметьте, что Фрейд не сказал, что Ференци ратовал за предоставление большего удовлетворения в ходе лечения своих пациентов, и мог иметь основание так поступать. Фрейд неодобрительно отозвался о личной потребности Ференци «сохранять регрессивное удовольствие от разыгрывания материнской роли», как если бы Ференци несколько задержался в своём развитии, был умственно отсталым, и его не следовало воспринимать серьёзно.

Позднее в то же самое лето 1932 (непосредственно после своего отказа от поста президента и перед тем, как он собирался поехать в Висбаден на проводимый там в 1932 г. конгресс, Ференци оста-

новился в Вене, чтобы прочитать Фрейдю свою работу «Смешение языков». Фрейд заставил Брилла присутствовать на данной встрече, жест, который может быть истолкован как враждебный. Не собирався ли Фрейд в присутствии Брилла унижить Ференци, когда открыто посоветовал Ференци не публиковать данную статью? Понятное дело, Ференци был глубоко оскорблён реакцией Фрейда и всей этой ситуацией, и испытал ещё большее оскорбление, когда Фрейд стал отрицать, что сделал нечто для него оскорбительное, рассматривая чувство обиды Ференци как дальнейшее свидетельство того, что Ференци был неправ.

В «Клиническом дневнике» Ференци поразительным языком описывает своё восприятие этого теоретического разрыва. Ференци говорит «о той лёгкости, с которой Фрейд жертвует интересами женщин в пользу интересов мужчин. Это находится в соответствии с односторонней андрофилической ориентацией его теории сексуальности. В этом отношении за ним последовали почти все его ученики, включая меня. В моей теории развития генитальности могут быть хорошие места, однако по способу презентации и по своей исторической реконструкции она слишком тесно сцеплена со словами учителя; новое издание будет означать полную переработку» [6, р. 187].

Другими словами, Ференци понимает, что его теория травмы и его теории сексуальности вели его к акцентированию взаимоотношения мать-младенец таким образом, который неизбежно приведёт его к ссоре с Фрейдом. Не мог ли Фрейд ещё более решительно осуждать Ференци за его акцент на гипотезе соблазнения, потому что Фрейд ранее её отверг?

Вскоре после этого [6, р. 188], Ференци пишет:

«Фрейд полагает, что клитор растёт и функционирует раньше, чем влагалище, так что девочки рождаются с чувством того, что обладают пенисом, и лишь позднее они учатся отвергать как его, так и мать, и принимать вагинальную и маточную женственность. Таким образом, он упускает из виду альтернативную возможность, что инстинктивная гетеросексуальная ориентация (возможно, лишь в фантазии) вполне рано весьма сильно развивается, и что маскулинность занимает своё место лишь по травматическим причинам (первичная сцена) как истерический симптом».

«Кастрация отца, обладающего потенцией, как реакция на перенесённое сыном унижение, привела к созданию теории, в которой отец кастрирует сына, и, кроме того, затем почитается сыном в качестве бога. В своём поведении Фрейд играет лишь роль кастрирующего бога, он хочет игнорировать

травматический момент собственной кастрации в детстве: он единственный, кому не нужно быть анализируемым».

Здесь Ференци занимается обдумыванием связи между пережитой травмой и психоаналитическим теоретизированием. Он борется над решением задачи, как понимать акцент Фрейда на кастрации и потенции, и приходит к высказыванию предположения, что идеал потенции, который затем находит выражение в теориях кастрации, рождён из унижения и стыда. Ференци также полагает, что акцент Фрейда на отказе и его относительное избегание того, что он воспринимал как удовлетворение (и стал его ассоциировать с материнскими функциями) также может частично рассматриваться как реакция на переживания унижения.

В «Смешении языков» (*первоначальный заголовок этой статьи был «Страсти и их влияние на сексуальное развитие, и развитие характера детей»*) Ференци подчёркивает, как аналитическая ситуация может быть причиной повторного переживания первоначальной травмы. Возможно вычитать в этой статье кое-что, что имело место в анализе Ференци Фрейдом, в котором произошло смешение «языка страсти и нежности». Имеет смысл вернуться к рассмотрению этой статьи, имея в виду борьбу относительно тем стыда и унижения, и склонность Фрейда непреднамеренно становиться фигурой сверх-я для Ференци, (предписав, на ком тому жениться). Если подходить таким образом, то возможно усмотреть в этой статье попытку Ференци сформулировать чувства унижения и стыда в связи с неспособностью заставить Фрейда признать, как он (Фрейд) причинил Ференци боль, который чувствовал себя оскорбленным и покинутым Фрейдом. Ференци борется за получение отклика на травматические чувства, в то время как Фрейд делает акцент на отказе, таким образом, видимо, устраняя для себя возможность понимания чувств Ференци.

Мартин Бергманн [1] отмечает: «Ференци отстаивал точку зрения, что когда аналитик приписывает собственные недостатки реакциям переноса со стороны пациента, он наносит анализанду тройной вред: (1) он повреждает способность анализанда тестировать реальность; (2) он ведёт себя подобно предубеждённому в своей правоте родителю в детские годы анализанда; и (3) он показывает собственное отсутствие смелости и усиливает сопротивление анализанда, показывая, что свободные ассоциации не являются реально возможными даже внутри аналитической ситуации». И Бергманн добавляет: «Затем пациенты догадываются о том, что психоаналитическое взаимоотношение

основывается на правде не в большей степени, чем в других взаимоотношениях» [1, p. 155].

Интересно отметить, что Эрнест Джонс (анализанд Ференци, позднее анализировался Абрахамом в Берлине) присоединился к мнению Фрейда о том, что статья «Смещение языков» показывает ухудшение психической целостности Ференци. Ещё большее сожаление вызывает то, что, по мнению Фрейда, подход к пониманию травмы со стороны Ференци был неправильным истолкованием вследствие его регрессии и переноса. Ференци, возможно, задел больную струну у Фрейда. Ференци знал, что Фрейд никогда не испытывал стыд или перенос в отношении к своему аналитику (если только это не было зеркальным отражением контрпереноса и порождаемого сверх-я стыда). Поэтому, возможно, Ференци мог знать, как поразить ахиллесову пяту Фрейда, путём непрерывной постановки вопроса о негативном переносе и неотъемлемо связанной с ним травматической структуре и различающейся степени власти в аналитической ситуации. *(Бергманн замечает, что Ференци не присоединился к проведённому Фрейдом различию между нарциссическими и травматическими невротами, и, в действительности, «не верил в наличие каких-либо критериев анализируемости» [1, p. 154].)* И Ференци, возможно, полагал, что аналитическая ситуация является ещё более травматической, если Фрейд не признаёт потребность в материнском переносе, и в удовлетворении и регрессии. Таким образом, акцент Фрейда на отце за счёт исключения матери, его акцент на отказе, нежели чем на удовлетворении, его принижение регрессии, его нежелание упоминать о нарциссическом качестве собственного анализа, когда он говорит о переносе, и его фаллоцентрическая ориентация, возможно, являлись теми слепыми пятнами, на которые Фрейд не хотел, чтобы на них обращали внимание.

Фрейд, совместно с Джонсом и Абрахамом, критиковал Ференци за чрезмерное акцентирование на травме и за применение им «активной техники» вместо «анализа». Как нам следует воспринимать подобные заявления в свете описываемого Фрейдом давления на Ференци жениться на Жизелле? И как можем мы оценивать работы Фрейда о любви в переносе в свете реальных взаимоотношений Фрейда? Как мы должны воспринимать недавние открытия того, что Фрейд и его свояченица Минна путешествовали как муж и жена, и селились в одних номерах в отелях [3]? Или о его анализе своей дочери Анны? Для Фрейда, любви в переносе можно поставить границы, по крайней мере, в теории. Но даже он признаёт, что очень трудно провести

отличие между дружбой, сексуальной любовью и любовью в переносе, и что между ними также нет каких-либо универсально применимых разграничительных линий.

Такие проблемы затрагивают сердцевину желания Фрейда быть могущественным и знаменитым, желание, ради достижения которого, по его мнению, он должен представлять психоанализ как науку. Они также затрагивают сердцевину желания Ференци быть близким другом Фрейда, и его длящийся всю жизнь поиск отцовской фигуры. Кто из них двоих стал более успешным аналитиком или терапевтом? Каждый из них высказывает в целом обоснованные клинические положения. Пока эти вопросы не будут разрешены, невозможно представить ясную картину созданной каждым из них теории, без помещения её также в контекст текущих споров, и, что ещё важнее, в контекст человеческих слабостей каждого из них.

В другом месте [20] я показал, как темы соперничества, конфликтов и стыда проявляют себя в сновидениях Фрейда, и как поглощённость Фрейда агрессией и виной, по всей видимости, временами функционировала на службе избегания стыда и эдипового поражения. Критикуя Фрейда за то, что тот не даёт ему возможности исследования собственных «слабостей или аномалий» [6, p. 62], Ференци пишет: «Мой собственный анализ не смог проникнуть достаточно глубоко, потому что мой аналитик (натура нарциссическая по его собственному признанию) с его твёрдым решением остаться в добром здравии, и с его антипатией к слабостям и аномалиям, не смог последовать за мной в эту глубину и слишком быстро перешёл к воспитательному аспекту».

То, что Ференци пытался выразить Фрейду, включало его «слабости или аномалии», которых он стыдился. Инстинкт тщательно скрывать и прятать переживания стыда приводит в действие регрессивное поведение защиты от того, чтобы *тебя видели, показывание себя* травмируется, например, *показ себя* ощущающим беспомощность, и т.д. *(Ференци чувствовал, что был «слепо зависимым сыном», в то время как Фрейд «играл роль кастрирующего бога», вследствие чего Фрейд оказался неспособен понять, что он был «единственным, кому не пришлось быть анализируемым» [6, pp. 185-188].)* Будучи слеп по отношению к движущим силам поражения и унижения, которым первоначально подвергался Эдип, Фрейд не мог, и не стал бы, понимать стыд Ференци, и поэтому не смог реагировать на травматические реакции Ференци. *(Также важно, что Ференци рассматривает в «Смещении языков» в качестве «нежности». Так*

как частично вследствие своих личных трудностей Ференци сосредоточил своё внимание на понимании природы детской травмы и унижения, он также пришёл к осознанию того, сколь существенно важна регрессия в проработке такой травмы, и, следовательно, сколь важно для аналитика понимать всё в аналитической ситуации, что содействует её повторению, нежели чем её переработке. Ференци, в особенности, вёл борьбу за описание регрессии (каким бы ни было истолкование «регрессии») экспериментальным образом, совместно с постыдными, регрессивными страхами сепарации от аналитика, обострёнными из-за его взаимоотношений с Фрейдом.) Заставляя Ференци жениться на Жизелле, а не на Эльме, Фрейд инфантилизировал Ференци и требовал от него унижительного подчинения. Ференци пытался выразить свою травму, свою зависимость и идеализацию Фрейда, и дать высказаться идущей внутри него борьбе. Однако когда Ференци выразил своё страдание, Фрейд дал задний ход. Нарциссизм Фрейда (и защита собственного положения лидера психоаналитического движения)

встал на пути его способности реагирования как друга, коллеги и аналитика травмы Ференци, с неблагоприятными последствиями для истории психоанализа. Давайте надеяться, что в наше время мы сможем научиться большему от взаимоотношений Фрейда с Ференци, и из тех теорий, которые из них выросли, и, не приписывая вины кому-либо из них, постараемся всегда быть внимательными к подверганию наших пациентов стыду, всегда осознавать ограничения теории, и всегда быть внимательными к душевным ранам наших пациентов.

Выражения признательности

Эта статья, которая впервые была озвучена на посвящённой Ференци Международной конференции в Торонто в 2002 г., организованной Франко Боргоньо, была значительно улучшена вследствие высказанных на её счёт замечаний как со стороны Жизеллы Гэлди, так и со стороны ныне покойного Пола Розена и его коллег из Гарварда, за что я им крайне благодарен.

Список литературы:

1. Bergmann, M.S. The tragic encounter between Freud and Ferenczi // P. Rudnytsky, A. Bokay @ P. Giampieri-Deutsch (Eds.), *Ferenczi's turn in psychoanalysis*. New York: New York University Press, 1998. P. 145-154.
2. Bokanowski, T.M. Sandor Ferenczi: Negative transference and transference depression // P. Rudnytsky, A. Bokay @ P. Giampieri-Deutsch (Eds.), *Ferenczi's turn in psychoanalysis*. New York: New York University Press, 1998. P. 120-144.
3. Blumenthal, R. Hotel lag hints at illicit desire that Dr. Freud did not repress // *The New York Times*, 2006, December 24. P. 1A, 4A.
4. Ferenczi, S. *Thalassa: A theory of genitality*, H.A. Bunker (Trans.). New York: Norton, 1924 (1968).
5. Ferenczi, S. *The Principle of relaxation and neocatharsis* // *International Journal of Psychoanalysis*, 11, 1930. P. 428-443.
6. Ferenczi, S. *Clinical diary of Sandor Ferenczi*, J. Dupont (Ed.), M. Balint @ N. Zarday Jackson (Trans.). Cambridge: Harvard University Press, 1988/1932.
7. Freud S. *Types of onset of neurosis* // *Standard Edition*. Vol. 12. London: Hogarth, 1912. P. 227-238.
8. Freud S. *The theme of the three caskets* // *Standard Edition*. Vol. 12. London: Hogarth, 1913. P. 89-302.
9. Freud S. *Observations on transference love* // *Standard Edition*. Vol. 12. London: Hogarth, 1915. P. 57-171.
10. Freud S. *On Narcissism* // *Standard Edition*. Vol. 14. London: Hogarth, 1914. P. 68-102.
11. Freud S. *Sandor Ferenczi* // *Standard Edition*. Vol. 22. London: Hogarth, 1933. P. 216-253.
12. Freud S. *Analysis terminable and interminable* // *Standard Edition*. Vol. 23. London: Hogarth, 1937. P. 216-253.
13. Freud S. *Moses and monotheism* // *Standard Edition*. Vol. 23. London: Hogarth, 1939. P. 7-140.
14. Haynal, A. (with Ernst Falzeder) *Healing through love? A unique dialogue in the history of psychoanalysis* // *Free Associations*, 2, 1991. P. 1-20.
15. Haynal, A. (with Ernst Falzeder) *Slaying the dragons of the past or cooking the hare in the present: A historical view on affects and in the psychoanalytic encounter* // *Psychoanalytic Inquiry*, 13(4), 1993. P. 357-371.
16. Haynal, A. *Freud and his intellectual environment: The case of Sandor Ferenczi* // Rudnytsky, A. Bokay @ P. Giampieri-Deutsch (eds.), *Ferenczi's turn in psychoanalysis*. New York: New York University Press, 1998. P. 25-40.
17. Haynal, A. *In the shadow of a controversy: Freud and Ferenczi 1925-33* // *International Journal of Psychoanalysis*, 86, 2005. P. 457-466.
18. Kilborne, B. *Positivism and its vicissitudes: The role of faith in social sciences* // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 28, 1992. P. 352-370.
19. Kilborne B. *When trauma strikes the soul; trauma, regression and psychic pain* // *American Journal of Psychoanalysis*, 59(4), 1999. P. 385-402.
20. Kilborne, B. *Disappearing persons: Shame and appearance*. Albany: SUNY Press, 2002.
21. Moreau-Ricaud, M. *The founding of the Budapest School* // P. Rudnytsky, A. Bokay @ P. Giampieri-Deutsch (Eds.), *Ferenczi's turn in psychoanalysis*. New York: New York University Press, 1998. P. 41-59.
22. Nussbaum, M. *Comment on Freidman (Is there a special psychoanalytic love?)* // *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 53(2), 2005. P. 377-384.
23. Dupont, J. *Freud's analysis of Ferenczi as revealed by their correspondence* // *International Journal of Psychoanalysis*, 75, 1994. P. 301-320.

24. Ferenczi, S. The correspondence of Sigmund Freud and Sandor Ferenczi 1914-1919, vol. 2. E. Falzeder @E. Brabant (Eds.), Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
25. Ferenczi, S. The correspondence of Sigmund Freud and Sandor Ferenczi 1920-1933, vol. 3. E. Falzeder @ E. Brabant (Eds.), Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
26. Freud S. Interpretation of dreams // Standard Edition. Vol. 4-5. London: Hogarth Press, 1900.
27. Freud S. Three essays on a theory of sexuality // Standard Edition. Vol. 7. London: Hogarth Press, 1905, P. 30-243.
28. Freud S. Standard Edition 25 vols. London: Hogarth Press, 1974.
29. Gedo, J.O, Patria Mia // P. Rudnytsky, A. Bokay @ P. Giampieri-Deutsch (Eds.), Ferenczi's turn in psychoanalysis. New York: New York University Press, 1998. P. 77-88.
30. Rudnytsky, P. Introduction // Ferenczi's turn in psychoanalysis. New York: New York University Press, 1998. P. 1-24.
31. Rudnytsky, P., Bokay, A. @ Giampieri-Deutsch, P. (Eds.) Ferenczi's turn in psychoanalysis. New York: New York University Press, 1998.
32. Vikar, G. The Budapest school of psychoanalysis // P. Rudnytsky, A. Bokay @ Giampieri-Deutsch (Eds.), Ferenczi's turn in psychoanalysis. New York: New York University Press, 1998. P. 60-76.
33. Бокановски Т. Шандор Ференци. М.: Когито-Центр, 2013. 177 с.
34. Гротьян М. Переписка З. Фрейда // Энциклопедия глубинной психологии. Т. I. Зигмунд Фрейд. Жизнь. Работа. Наследие. М.: MGM-Interna, 1988. 782 с.
35. Фрейд З. Конечный и бесконечный анализ // Психоанализ в развитии. Сборник переводов. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 169 с.
36. Эйхофф Ф.-В. Перечитывая работу Фрейда «Заметки о любви в переносе» // Эротический и эротизированный перенос. М.: Канон+, 2015. 303 с.
37. Розен П. Фрейд и его последователи. СПб.: ВЕИП, 2005. 661 с.

References (transliterated):

1. Bergmann, M.S. The tragic encounter between Freud and Ferenczi // P. Rudnytsky, A. Bokay @ P. Giampieri-Deutsch (Eds.), Ferenczi's turn in psychoanalysis. New York: New York University Press, 1998. P. 145-154.
2. Bokanowski, T.M. Sandor Ferenczi: Negative transference and transference depression // P. Rudnytsky, A. Bokay @ P. Giampieri-Deutsch (Eds.), Ferenczi's turn in psychoanalysis. New York: New York University Press, 1998. P. 120-144.
3. Blumenthal, R. Hotel lag hints at illicit desire that Dr. Freud did not repress // The New York Times, 2006, December 24. P. 1A, 4A.
4. Ferenczi, S. Thalassa: A theory of genitality, H.A. Bunker (Trans.). New York: Norton, 1924 (1968).
5. Ferenczi, S. The Principle of relaxation and neocatharsis // International Journal of Psychoanalysis, 11, 1930. P. 428-443.
6. Ferenczi, S. Clinical diary of Sandor Ferenczi, J. Dupont (Ed.), M. Balint @ N. Zarday Jackson (Trans.). Cambridge: Harvard University Press, 1988/1932.
7. Freud S. Types of onset of neurosis // Standard Edition. Vol. 12. London: Hogarth, 1912. P. 227-238.
8. Freud S. The theme of the three caskets // Standard Edition. Vol. 12. London: Hogarth, 1913. P. 89-302.
9. Freud S. Observations on transference love // Standard Edition. Vol. 12. London: Hogarth, 1915. P. 57-171.
10. Freud S. On Narcissism // Standard Edition. Vol. 14. London: Hogarth, 1914. P. 68-102.
11. Freud S. Sandor Ferenczi // Standard Edition. Vol. 22. London: Hogarth, 1933. P. 216-253.
12. Freud S. Analysis terminable and interminable // Standard Edition. Vol. 23. London: Hogarth, 1937. P. 216-253.
13. Freud S. Moses and monotheism // Standard Edition. Vol. 23. London: Hogarth, 1939. P. 7-140.
14. Haynal, A. (with Ernst Falzeder) Healing through love? A unique dialogue in the history of psychoanalysis // Free Associations, 2, 1991. P. 1-20.
15. Haynal, A. (with Ernst Falzeder) Slaying the dragons of the past or cooking the hare in the present: A historical view on affects and in the psychoanalytic encounter // Psychoanalytic Inquiry, 13(4), 1993. P. 357-371.
16. Haynal, A. Freud and his intellectual environment: The case of Sandor Ferenczi // Rudnytsky, A. Bokay @ P. Giampieri-Deutsch (eds.), Ferenczi's turn in psychoanalysis. New York: New York University Press, 1998. P. 25-40.
17. Haynal, A. In the shadow of a controversy: Freud and Ferenczi 1925-33 // International Journal of Psychoanalysis, 86, 2005. P. 457-466.
18. Kilborne, B. Positivism and its vicissitudes: The role of faith in social sciences // Journal of the History of the Behavioral Sciences, 28, 1992. P. 352-370.
19. Kilborne B. When trauma strikes the soul; trauma, regression and psychic pain // American Journal of Psychoanalysis, 59(4), 1999. P. 385-402.
20. Kilborne, B. Disappearing persons: Shame and appearance. Albany: SUNY Press, 2002.
21. Moreau-Ricaud, M. The founding of the Budapest School // P. Rudnytsky, A. Bokay @ P. Giampieri-Deutsch (Eds.), Ferenczi's turn in psychoanalysis. New York: New York University Press, 1998. P. 41-59.
22. Nussbaum, M. Comment on Freidman (Is there a special psychoanalytic love? // Journal of the American Psychoanalytic Association, 53(2), 2005. P. 377-384.
23. Dupont, J. Freud's analysis of Ferenczi as revealed by their correspondence // International Journal of Psychoanalysis, 75, 1994. P. 301-320.
24. Ferenczi, S. The correspondence of Sigmund Freud and Sandor Ferenczi 1914-1919, vol. 2. E. Falzeder @E. Brabant (Eds.), Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
25. Ferenczi, S. The correspondence of Sigmund Freud and Sandor Ferenczi 1920-1933, vol. 3. E. Falzeder @ E. Brabant (Eds.), Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.

26. Freud S. Interpretation of dreams // Standard Edition. Vol. 4-5. London: Hogarth Press, 1900.
27. Freud S. Three essays on a theory of sexuality // Standard Edition. Vol. 7. London: Hogarth Press, 1905, P. 30-243.
28. Freud S. Standard Edition 25 vols. London: Hogarth Press, 1974.
29. Gedo, J.O, Patria Mia // P. Rudnytsky, A. Bokay @ P. Giampieri-Deutsch (Eds.), Ferenczi's turn in psychoanalysis. New York: New York University Press, 1998. P. 77-88.
30. Rudnytsky, P. Introduction // Ferenczi's turn in psychoanalysis. New York: New York University Press, 1998. P. 1-24.
31. Rudnytsky, P., Bokay, A. @ Giampieri-Deutsch, P. (Eds.) Ferenczi's turn in psychoanalysis. New York: New York University Press, 1998.
32. Vikar, G. The Budapest school of psychoanalysis // P. Rudnytsky, A. Bokay @ Giampieri-Deutsch (Eds.), Ferenczi's turn in psychoanalysis. New York: New York University Press, 1998. P. 60-76.
33. Bokanovski T. Shandor Ferentsi. M.: Kogito-Tsentr, 2013. 177 s.
34. Grot'yan M. Perepiska Z. Freida // Entsiklopediya glubinnoi psikhologii. T. I. Zigmund Freid. Zhizn'. Rabota. Nasledie. M.: MGM-Interna, 1988. 782 s.
35. Freid Z. Konechnyi i beskonechnyi analiz // Psikhoanaliz v razvitii. Sbornik perevodov. Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998. 169 s.
36. Eikhoff F.-V. Perechityvaya rabotu Freida «Zametki o lyubvi v perenose» // Eroticheskii i erotizirovannyi perenos. M.: Kanon+, 2015. 303 s.
37. Rozen P. Freid i ego posledovateli. SPb.: VEIP, 2005. 661 s.